

Научная статья

УДК 82(82-1/29)

DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-315-335

**Ресторанный локус в прозе шанхайских эмигрантов
1920–1940-х годов**

Анна Александровна Богодерева

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

bogoderova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-1735>

Аннотация

Статья посвящена анализу ресторанного локуса в художественной прозе русских эмигрантов восточной ветви о Шанхае. Рестораны, бары, кабаре и кабаки были характерной чертой городской среды Шанхая, которую эмигрантам предстояло ментально и художественно освоить. Рассмотрены произведения следующих авторов: Э. Магарам, С. Алымов, В. Рамбаев, А. Петров, Г. Кочуров, Н. Н. Иваницкий, А. Ненцинский, Я. Лович, П. Северный, Н. И. Ильина. Рестораны в рассмотренных текстах – увеселительные заведения эпохи джаза с соответствующей атмосферой, в которой практически не упоминается еда, но особенно выделяются алкоголь, агрессивная музыка и бесстыдный танец. Это локус порока, распутства, опьянения и жестоких драк. В одних произведениях губительный ресторанный локус противопоставлен тихому семейному дому. В других герой, чтобы спасти себя, должен покинуть не только ресторан, но и сам Шанхай и искать свое место за его пределами в большом мире. Ресторанный разгул отражает свойственную Шанхаю жажду сильных впечатлений

© Богодерева А. А., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 315–335

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 315–335

и максимально энергичных действий, и оба локуса вызывают у авторов неприятие.

Ключевые слова

ресторанный локус, кабаре, бар, кабак, Шанхай, русские эмигранты

Для цитирования

Богодерова А. А. Ресторанный локус в прозе шанхайских эмигрантов 1920–1940-х годов // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 315–335. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-315-335

The Restaurant Locus in the Prose of Shanghai Émigrés of the 1920s and 1940s

Anna A. Bogoderova

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

bogoderova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-1735>

Abstract

The article is devoted to the analysis of the restaurant locus in the works of Russian emigrants of the eastern branch about Shanghai. Restaurants, bars, cabarets and taverns were a characteristic feature of Shanghai's urban environment, which emigrants had to mentally and artistically master. Shanghai with its international culture and tense, energetic life of a big capitalist city was noticeably different not only from Russia, but also from another eastern center of the Russian abroad – Harbin. The literary works of the following authors were considered: E. Magaram, S. Alymov, V. Rambaev, A. Petrov, G. Kochurov, N. N. Ivanitsky, A. Nentsinsky, J. Lovic, P. Severny, N. I. Ilyina. The restaurants depicted in the texts examined are jazz-era entertainment institutions with a specific atmosphere that barely supposes a meal but includes alcohol, aggressive music, and indecent dancing. This is a place for debauchery, intoxication and violent fights. The pleasure of the rude crowd is achieved at the expense of humiliating dancing girls, musicians, and artists. The negative impression is intensified by the use of contrast. In some works, the pernicious restaurant locus is contrasted with a quiet family home. In others, the characters, in order to save themselves, must leave not only the restaurant, but also Shanghai itself, and seek their place outside in the big world. The restaurant binge reflects Shanghai's in-

herent thirst for strong impressions and maximum vigor, and both loci are rejected by the authors.

Keywords

restaurant locus, cabaret, bar, pub, Shanghai, Russian emigrants

For citation

Bogoderova A. A. The Restaurant Locus in the Prose of Shanghai Émigrés of the 1920s and 1940s. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 2, pp. 315–335. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-315-335

Шанхайская проза русских эмигрантов 1920–1940-х гг. часто обращается к описанию характерной приметы городской среды того периода – ресторанов, баров, кабаре и кабаков. Шанхай в это время – крупный торговый и финансовый центр, место концентрации людей с высоким доходом и потребностью в ярком образе жизни. Западное влияние принесло с собой расцвет индустрии развлечений; насыщенная ночная жизнь города протекала во множестве кабаре и ночных клубов. Одним из самых знаменитых и успешных из них был «Ренессанс», в котором выступал Александр Вертинский. Для одних эмигрантов ресторан и кабаре служили источником заработка (Ларисса Андерсен, Наталья Ильина), для других – реалией, ярко характеризующей городскую жизнь.

В рамках данной статьи рассматривается ресторанный локус в творчестве эмигрантов восточной ветви. Большинство этих писателей начали творческий путь в Харбине, крупнейшем восточном центре русской эмиграции, однако в конце 1920-х – начале 1930-х гг. вынужденно переместилась в Шанхай из-за ухудшения условий жизни. С одной стороны, харбинская группа литераторов ощущала себя наследниками и продолжателями традиций Серебряного века. С другой, когда они в силу исторических событий оказались в непривычной шанхайской среде, были вынуждены выработать отношение и к новому городу, и к новому образу жизни. Современный деловой город, на фоне которого Харбин казался провинцией, город богатый и дававший шанс выжить, но требующий энергии и предприимчивости в борьбе за выживание, вызывал и новые надежды, и зависть, и страх, и требовал осмысления [Старосельская, 2006, с. 170–173].

Общий обзор ресторанной темы в русской литературе XIX–XX вв. в дает Е. Р. Пономарев. Исследователь приходит к выводу, что в русской культуре восприятие этого локуса менялось дважды. В середине XIX в. он ассоциировался с кутежами и развратом, однако начиная с 1870-х гг. ста-

новится респектабельным местом встреч и вкусной еды. В культуре рубежа веков его оценка неоднозначна: от концентратора обывательской пошлости до центра творческой, богемной жизни. Советская эпоха снова делает его символом разврата и бездуховности [Пономарев, 2018]. Теме развлекательных локусов в русской литературе посвящен также ряд исследований: трактирный локус в статьях Л. Г. Кихней и соавторов [Кихней, Темиришина, 2018; Кихней, Гавриков, 2019; 2020], ресторанный локус в статье Д. М. Магомедовой [2017]. Эти работы базируются на поэтическом тексте модернистов Серебряного века. Существуют также статьи, посвященные ресторанному локусу и трактирному хронотопу в творчестве отдельных писателей XX в. [Ташлыков, 2010; Павлов, Фомичева, 2021]. Однако изображение ресторана в прозе восточной ветви эмиграции еще не становилось объектом исследования.

В статье изучается изображение шанхайского ресторанного локуса в прозе эмигрантов восточной ветви: Магарам Э. «Опасная забава» (1920), Магарам Э. «В баре» (1920), Алымов С. «Нанкин-род» (1929), Рамбаев В. «Счастливая неудача» (1934), Петров А. «Злая шутка» (1935), Кочуров Г. «Иви» (1936), Иваницкий Н. Н. «Земля Тиан» (1936), Ненцинский А. «Человек во фраке» (1937), Лович Я. «Дама со стилетом» (1940), Северный П. «Слезинка» (1941), Ильина Н. «Иными глазами» (1946). Нас будет интересовать, какие элементы ресторанного локуса особенно значимы и какое место он занимает в общей картине Шанхая.

Речь пойдет о ресторанах западного типа (в отличие от китайских, изображаемых иначе). И это не только собственно **ресторан** (дорогое заведение с высоким уровнем обслуживания), но также и **бар** (небольшая закусочная с барной стойкой), **кабаре** (заведение с эстрадной программой) и **кабак** (недорогой ресторан, где распивают спиртные напитки). Хотя в реальности разница существует, в художественных произведениях граница между кабаре и кабаком очень зыбкая. Несмотря на то, что в истории XX в. кабаре были площадками для артистической среды, в рассмотренных текстах они больше похожи на ресторан, чем на театр. **Кафе** не входят в наш анализ, потому что для них характерна другая атмосфера и другое семантическое поле [Williams, 2018].

Культурологические исследования отмечают особую роль кабаре в атмосфере Серебряного века [Брандт, Ковалева, 2017; Архангельская, 2018]. Это пространство, в которое артистичные, талантливые люди совершают символический уход, чтобы создать свой мир по своим законам в противовес пошлomu окружающему миру [Брандт, Ковалева, 2017, с. 235].

Такое видение кабаре отразилось в мемуарах писательницы-эмигрантки Натальи Ильиной. В изображении выступления Вертинского в ресторане «Ренессанс» есть и противопоставление пошлого реального мира и мира мечты, презренных богатых посетителей и поэтически прекрасных артистов (цыган и бродяг), и воображаемое путешествие в инобытие. Приведем этот эпизод:

Дешевый электрический рай, куда люди идут, чтобы забыться. И правильно. Иной раз забыться – необходимо. На улице дождь, трамваи уже не ходят (на чем, интересно, я домой поеду?), а, черт с ним, как-нибудь доберусь, не думать, забыть обо всем, он поет, и улетим с ним в бананово-лимонные Сингапуры или к синему и далекому океану. Вообразим себя той, которую «баюкает в легкой качели голубая “испано-сюиза”». Убаюкаемся. Слушаешь и веришь, что «радость будет, что в тихой заводи все корабли, что на чужбине усталые люди светлую жизнь себе обрели». Выпивка. Наркотик. Гипноз (Ильина, 1985, с. 189).

Отметим здесь обилие цитат из песен Вертинского (подчеркнуто)¹ и из поэзии А. Блока. Реальный пошловатый ресторан – только стимул для того, чтобы в сознании возникла картина прекрасного воображаемого мира. Однако, как мы увидим далее, шанхайская художественная проза в описании ресторанного локуса идет в ином направлении.

В статьях Л. Г. Кихней отмечено ядро мотивов кабацкого локуса модернистской поэзии: это нечистое, inferнальное место, граница, за которой начинается инобытие, и в основе его описания лежат мотив пира, мотив женско-эротического начала и мотив смерти [Кихней, Гавриков, 2019, с. 233]. Частично это применимо и к шанхайской прозе, где подчеркиваются реально присущие ресторану приметы: алкоголь, танец, музыка, противоположный пол, будоражащая визуальная составляющая. Однако семантика меняется: нечистота и «инфернальность» локуса носят посторонний, социальный характер, это место порочного веселья, принципиально не ведущее ни к чему большему, потому что оно уже и есть предел стремлений шанхайской публики.

Интересно, что упоминания еды в шанхайском ресторанном локусе единичны, эта возможность не реализуется. «Это самые вкусные часы нашей жизни» (Алымов, 2018, с. 139), – говорит о ресторане персонаж Алымова, имея в виду, однако, более сложные удовольствия, чем просто на-

¹ Цитаты взяты из песен А. Вертинского «Испано-сюиза» (1928), «Магнолия» (1931), «Желтый ангел» (1934).

слаждение пищей. Это насыщение эмоциями, а не вкусами. Ресторан не просто символ изысканного образа жизни, его посещение, будь то награда за достижения или допинг в погоне за ними, – кульминационный момент жизни шанхайца, подтверждение его состоятельности во всех смыслах.

В описании визуальной стороны локуса подчеркиваются световые эффекты, максимально отличающие ресторанный атмосферу от «обыденного» дневного света: яркое электричество, тьма и полутьма, максимальная контрастность и интенсивность того и другого, огоньки в темноте, резкое переключение между светом и темнотой (пестрота, мигание и мерцание). Выделяется все, что воздействует на психику, приводит к возбуждению и вызывает ощущение нереальности: свет (огонь, сверкание, сияние, освещение, блеск), разноцветье, мелькание и движение. Обстановка может быть и роскошной (и тогда перечисляются все приметы роскоши, шифоны, шелка и драгоценности) и дешево-вульгарной (что тоже подчеркивается через детали интерьера). Угарности и порочности придает ресторанной атмосфере табачный дым.

Отметим, однако, что именно *русский* эмигрантский ресторан как объект изображения не интересует шанхайских прозаиков, в отличие от их европейских коллег Г. Газданова и Б. Поплавского² и в отличие от Н. Ильиной. Ничего подобного упомянутому «Ренессансу» в рассмотренных шанхайских произведениях не появляется. Шанхайские рестораны в художественной литературе – это рестораны XX в., эпохи джаза, западной культуры, причем акцент сделан именно на ее негативных сторонах.

Ресторанные локусы подчеркнута интернациональны, что отражает международный характер города. Их посетители – англичане, американцы, французы, португальцы, русские, позднее и богатые азиаты. В барах это, с одной стороны, моряки или военные, с другой – клерки, спекулянты и сутенеры, причем между этими группами регулярно вспыхивают конфликты, а подвыпивший моряк – непреодолимый соблазн для женских персонажей. В ресторанах более респектабельная публика: преуспевшие дельцы и их содержанки. Кроме того, иногда акцент делается на разнообразном персонале и их судьбах: на официантах, музыкантах, артистах, барменах. Особое место в этом ряду занимают *dancing girls*, танцовщицы,

² Парижские кабаре с русскими и цыганскими песнями изображены в романах Б. Поплавского «Домой с небес» (1935) и Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа» (1947).

в том числе русские эмигрантки, вынужденно вовлеченные в развлекательную индустрию³. Разница между наемным партнершами, эстрадными танцовщицами и проститутками, подчеркнутая в мемуарах Лариссы Андерсен и у ее биографов [Андерсен, 2006, с. 226–227; Калиберова, 2006, с. 14–25], в художественной литературе нарочно размывается, одна унизи-тельная роль быстро переходит в другую.

Главная цель похода в ресторан – кутеж, возбуждение, доведение себя до иступления, причем явно ощущается авторское неприятие этого процесса. Для его описания используется лексика с негативной коннотацией: не только «оживление» и «освобождение», но и «опьянение», «осатанение», «сумасшествие». Во всех процессах подчеркивается их интенсивность с помощью наречий «ярко», «резко», «остро», «очень», «сильно» и «слишком».

Столкновение всего резко контрастного, максимальное напряжение всех сил заметны в изображении наиболее важных элементов ресторанных сцен – музыки, алкоголя и танца.

Звуковая избыточность – характерная черта шанхайского пространства в целом, и ресторанный локус не исключение. Ресторанная атмосфера заполнена резкими назойливыми звуками, описания изобилуют перечислениями всевозможных шумов, передающих движения людской массы. Особое внимание уделено изображению музыки и производимого ею впечатления. Примечательно, что русские песни и цыганская музыка в этом пространстве не появляются. Шанхайский репертуар составляют интернациональные жанры, актуальные на тот момент: шумный джаз, тустеп, блюз, танго. Метафорическое описание мелодий служит ключом к пониманию ресторанных сцен, их напряженная эмоциональность охватывает толпу. При всей изобретательности описаний заметно настороженное отношение авторов к этой агрессивной музыке. Ее задача – будить эмоциональность и чувственность, она превращается в мощную стихию, которая направляет мысли героев в сторону противоположного пола.

Если еда практически не упоминается в шанхайском ресторанном локусе, то алкоголь занимает там центральное место. Именно он снимает культурные ограничения и дает желаемое возбуждение. Авторы прозы

³ Песня Вертинского «Dancing girl» (1937), в которой противопоставлены поэтическая юность девушки в Харбине и ее нынешнее положение танцовщицы в Шанхае, имела огромный успех. Это говорит об актуальности и злободневности темы.

фиксируют все разнообразие предлагаемых напитков: шампанское, вино, виски, бренди, коньяк, ликер, спирт и пиво. Однако положительные гедонистические мотивы, связанные с вином, здесь невозможны. В романе Алымова это специально подчеркнуто в сцене в баре «Астор Хаус». Персидский стиль оформления бара и цитаты из Омара Хайяма, говорящие о вине как тайном колодце жизни, выглядят почти пародийно на фоне приземленной шанхайской публики. Чем эстетичнее начинается ресторанный сценарий, тем отвратительнее будет его финал. Яркое описание утонченных коктейлей сменяется картиной откровенного злоупотребления ими: этими коктейлями новичка едва не доводят до алкогольной комы.

С ресторанным локусом неразрывно связана эротическая тематика. Это и место для свиданий, и часть ритуала ухаживания, и сексуальный рынок, куда приходят искать нового партнера. Притязания посетителей принимают формы от легкого кокетства до прямого соблазнения и домогательства. Большое место в текстах занимает описание пластики движений персонажей, их жестов и мимики, акцентируются изобилие обнаженного тела и плотоядные взгляды, что передает жадность животных желаний публики и создает картину разгула телесной стихии.

Танец публики или артистов на эстраде определяет эмоциональный фон ресторанный сцены. Авторы не жалеют слов для порицания происходящего, например, у Э. Магарам:

...еще страстнее, беззастенчиво-грубо извиваются в диком, животном танце пьяные тела, скользят в дыму тесно обнявшиеся пары (Магарам, 2019, с. 42).

В одних произведениях танец сразу представлен как безобразный и возмутительный, в других первоначальная красивая картина вводится лишь затем, чтобы составить контраст последующей мерзости (похабный эстрадный номер или вакханалия публики). Этот контрастный переход составляет кульминацию ресторанный сцены.

Еще один частый мотив ресторанный локуса – драка в баре или кабаре. Всплеск агрессии в борьбе за женщину, как гроза, снимает напряжение в атмосфере. У Магарам и Северного это фоновое действие, демонстрирующее низменные нравы публики. Но иногда это событие или даже его угроза служит поворотным моментом, резко меняющим настроение героев (Кочуров) или всю последующую судьбу (Рамбаев, Алымов).

Мотив возвращения к обыденной жизни встречается в текстах о работах кабаре и ресторанов у Магарам, Северного и Иваницкого. В отли-

чие от гостей, которые или исчезают из текста в никуда, или идут развлекаться дальше, персонажи-музыканты и танцовщицы возвращаются домой, и на контрасте между домом и ресторанным локусом, днем и ночью строится сюжет. У Иваницкого и то, и другое вместе составляют картину тотального неблагополучия и неустроенности. У других авторов ночной разгул и фальшивое веселье сменяются картинками семейного очага, составляющего главную ценность героев и их стратегию выживания в этом мире.

Атмосфера ресторана передает настроения Шанхая в целом с его разгулом, жадностью и энергией жизни, обилием контрастов и напряжением между столкнувшимися противоположностями и всю неприязнь, которую испытывают к нему авторы. Шанхай ощущался русскими эмигрантами как недоброжелательный и чужой [Старосельская, 2006, с. 209]. Можно предположить, что большинство из них уже не чувствовали себя потенциальными победителями и покорителями города. После всего пережитого потребность в безопасности была на первом месте, и общий пафос борьбы за место под солнцем был им чужд. Поэтому западная, динамичная сторона шанхайской культуры со всеми ее рисками и наслаждениями воспринималась негативно.

Далее рассмотрим, какую роль играет посещение ресторанного локуса в сюжетах исследуемых произведений.

В части произведений локус как таковой не изображен, но возникает как периферийный мотив в речи повествователя и в диалогах для негативной характеристики. Здесь ресторан – один из соблазнов и обманов большого города. При этом подчеркивается, что колониальный Шанхай – творение западной цивилизации, хищнически эксплуатирующей покоренную Азию. Это отличает его от Харбина, уцелевшей частицы дореволюционной России, и это противопоставляет его усиливающемуся социалистическому миру. Какими бы ни были политические взгляды создателей текстов, город-спекулянт, отнимающий душу в погоне за наживой, вызывает у них отторжение.

В юмористическом рассказе А. Петрова «Злая шутка» (1935) приглашение в дорогие рестораны – тактика, которую зазнавшийся богатый англичанин без успеха применяет для соблазнения чистой русской девушки из Харбина. В очерках Н. Ильиной «Иными глазами» (1946) хождением по модным заведениям карикатурно хвастаются русские, служащие в американских конторах («Праздничное»). Машинистки и кассирши, заискивающие перед хозяевами-американцами, вызывают ассоциации с совет-

ской сатирой и ее идеологическим штампом «низкопоклонство перед Западом». Ильина ставит себе цель найти и разоблачить мещан, персонажей Чехова и Зощенко, сохранившихся как некий реликт в Шанхае, и отношение к ресторану – один из «мещанских» маркеров, причем одинаково испорченными выглядят и потребитель, и обслуга ресторана, и завидующий им неудачник. «Падение» интеллигентной семьи, открывшей «распроматросский бар» (Ильина, 2013, с. 78), интересно не только само по себе, но и как предмет завистливо-ханжеского обсуждения таких же обывателей («Надоело»). В целом в идеологизированной прозе повышенное внимание к ресторану выдает в персонаже идеологического врага.

В ряде текстов посещение ресторана или кабака значимо в сюжете, но ничего не меняет в жизни героя-завсегдатая. Он или продолжает жить в пороке, или возвращается в унылую обыденность, и даже если открывает нечто о себе и мире, то далее это нивелируется.

Таковы произведения Э. Магарам, где рестораны и бары – концентратор всей мерзости «города желтого дьявола». Это выражение заимствовано писателем из очерка М. Горького о Нью-Йорке с одноименным названием. При всем отвращении обоих авторов к мегаполису Магарам менее последователен: в одних его очерках замечен антикапиталистический пафос, другие скорее аполитичны. Им свойственны бесстрастное наблюдение и подробная фиксация деталей в духе натурализма, где судьбы людей определены не только социальными условиями, но и в большей степени биологией. Ресторан у Магарам – локус разврата и порока, в котором и природное начало, и социальные установления в равной степени дискредитированы.

В «Опасной забаве» (1920) в ресторане разворачивается сцена, где в меркантильной, но не лишенной чувств актрисе Марсель Дегранж просыпается нечто человеческое. Проникновенное пение на эстраде будит в героине воспоминания о чистой первой любви. На миг у нее появляется желание изменить свою жизнь, но возвышенное настроение прерывается пошлым выступлением комика. Ресторан – часть образа жизни, от которого героиня так и не может отказаться.

Магарам, как многие другие шанхайские эмигранты, изображает жизнь обездоленных людей и в частности унижительное положение работников ресторана. Однако его персонажи помимо бедности и эксплуатации страдают еще и от темных сил человеческой природы.

В рассказе «В баре» (1920) жена скрипача, работающая приманкой в баре, у него на глазах проникается страстью к красивому мичману, ухо-

дит с ним «в кабинет», а подневольный музыкант вынужден играть музыку, под которую это все происходит. Амбивалентная чувственная стихия в изображении Магарама несет в себе некую природную оправданность. Но переход от красивого к отвратительному в ресторанном локусе почти неизбежен, поэтому за мичманом идет пьяный толстяк, которого героиня обслуживает уже вынужденно. Мерзкому шабашу в баре противопоставлены утреннее возвращение четы в семейное гнездо и очередное усталое примирение.

Оппозиция «дом – ресторан» лежит в основе рассказа П. Северного «Слезинка» (1941). Грязная атмосфера портового бара – привычная среда для танцовщицы Нади. Но в отвратительном пространстве бара находится место для человечности: один из матросов вместо грубых приставаний проявляет доброту и рассказывает Наде о своей любви к матери. Однако далее, когда героиня возвращается домой, совершается шокирующий переход от счастья к несчастью. Дом Нади – пространство уюта, чистоты и любви, в центре его – ребенок, составляющий смысл ее жизни, и этот ребенок оказывается болен и при смерти. Но Надя, измученная тревогой и усталостью, не в состоянии должным образом попрощаться с дочерью и не слышит ее слов. Гармония в отношениях родителя и ребенка, которую она видела у матроса в баре, для нее недостижима. Выживание в Шанхае, таким образом, оборачивается потерей самого дорогого – любви и человечности.

В прозе о Шанхае изображены не только эксплуатируемые, но и эксплуататоры. Пример такого произведения – роман С. Алымова «Нанкин-род» (1929), весь сюжет которого составляет борьба пролетарского движения против угнетателей. Алымов в полной мере использует потенциал ресторанной сцены. Изображение развлечений главных злодеев, Агаты и Ворда, – прямолинейная агитация против «эксплуататорского» мира. Западная цивилизация, желая одновременно поиграть в дикарей и посмеяться над ними, иронизирует над своей искусственностью и наслаждается ею. Эта тема звучит и в репликах Ворда, и в метафорах, описывающих обстановку, – оркестр и нарочито унижительные танцы на эстраде. Гротескная пародия на танец негра и танец девушек – живых автоматов особенно безобразны в сравнении с танцем Агаты и Ворда. Сцена иллюстрирует, по замыслу автора, цинизм и убожество колониальных угнетателей, их презрение к покоренным народам. В целом изображение шанхайской ресторанной публики дикарями в смокингах утрировано, однако отвечает главной идеологической задаче.

Обличительный пафос проявляется и в сцене в баре «Астор Хаус», где представители криминала выпивают с представителями закона. Значение сцены не исчерпывается сатирической характеристикой обстановки в городе. В баре проходит «инициация» наивного Дальтона, которого Ворд вводит в шанхайские деловые круги. От огромного количества спиртного Дальтон теряет сознание, и в его пьяных видениях сначала появляется мотив кораблекрушения, а затем на первый взгляд избыточно развернутый мотив пожара. В окнах бара герою видятся огонь, мечущиеся птицы и безответно любимая им Китти Сингапур. Далее мотивы кораблекрушения и пожара появятся в сюжете уже в виде реальной катастрофы. Китти в компании Дальтона пытается сбежать из Шанхая на корабле, на реях которого сидят райские птицы, а трюм заполнен живым товаром – китайскими кули. Корабль представляет собой очевидную копию Шанхая, где верхи кутят и наслаждаются жизнью, а низы умирают в темноте и грязи от эпидемии холеры. Пир во время чумы прерывается пожаром и бунтом низов, корабль погибает вместе с персонажами, и перед концом Дальтон снова видит и птиц, и Китти в огне, а воображаемая музыка ассоциативно связывает палубу с пространством шанхайских ресторанов. Таким образом, Дальтон в пьяном видении наблюдает то, что потом увидит в сцене своей смерти, однако «пророчество», отмеченное исследователями [Полторацкий, 2022, с. 181–182], для героя так и остается неясным.

В произведениях с не столь однозначным взглядом на Шанхай и западный мир рестораны и кабаре все равно являются локусом зла. В представлении Г. Кочурова Шанхай – богатый, потенциально великий город, в котором причудливо перемешаны добро и зло. То же можно сказать и о главной героине его эротического романа «Иви» (1936). Это сильная личность, способная на смелые поступки, но в силу дурной наследственности обреченная на ужасное падение. Глядя на вереницы нищих, опиоманов и продажных женщин, она угадывает свое родство с ними (она дочь наркомана и сумасшедшей проститутки). Кабаре – локус, где она вплотную встречается со злом, укорененным в ее судьбе. Явившись с мужем и друзьями в дешевое кабаре, Иви «спасает» проститутку от опасного кавалера, на время заняв ее место. Рискованная затея едва не кончается дракой. Кочуров демонстрирует в одной сцене и сострадательность главной героини, и ее дерзость. Ресторанный локус идеально подходит для создания шокирующей ситуации в духе бульварной литературы. Вместе с тем сцена демонстрирует и бессилие героини перед темными сторонами жизни. Иви проигрывает, так как сталкивается со злом, не устранимым ни

в Шанхае, ни в ее собственной судьбе. Таких событий и встреч, приближающих разгадку происхождения героини, в романе несколько, и хотя сама Иви так и не понимает происходящее до конца, динамика сюжета очевидна для читателя.

В наследии шанхайской прозы существуют и произведения, где визит героев в ресторан меняет их жизнь. С героем происходит нечто значимое – кабацкая драка, неожиданная встреча, открытие, и в сюжетной линии происходит необратимый поворот.

В трех рассматриваемых далее текстах поворот, связанный с ресторанным локусом, соседствует в сюжете с мотивом ухода: герои стремятся сесть на корабль и бежать из Шанхая, их жалкое прозябание в Шанхае противопоставлено неопределенному, но привлекательному будущему в море или за морем.

Именно с похода в бар начинается поворот в сюжетной линии Китти в романе «Нанкин-род». Дорогая содержанка Китти назло своему покровителю Ворду едет по барам развлекаться одна. В драке, вызванной ее прихотью, погибает матрос, и это вызывает у нее отчаяние и желание бежать из Шанхая «куда угодно». Китти осознает, что она утратила человеческое достоинство, она – такой же предмет роскоши, как и особняки и дорогие машины. Ресторанный локус – часть той недостойной жизни, от которой ей нужно уйти. Но на корабле, увозящем Китти из Шанхая, отчаянное «куда угодно» звучит уже более оптимистично и гедонистически – героиня окружена роскошью и находится в обществе влюбленного в нее мужчины. Намеченному сюжету не суждено развиваться до конца: Китти на корабле возвращается к привычному образу жизни и гибнет в кораблекрушении. Ей не удастся покинуть Шанхай – она, не изменившись внутренне, увозит его с собой.

У В. Рамбаева в рассказе «Счастливая неудача» (1934) бар – пространство, где удача и случай играют человеком. Герои, два молодых русских эмигранта, идут развлекаться накануне важного рейса, куда их позвали на заработки. Однако кабацкая драка ломает их планы. В итоге герои не попали утром на корабль, поездка на котором погубила бы их (судно оказывается контрабандистским и уничтожается береговой охраной США). Сама фортуна, правящая в авантюрном пространстве бара, уберегает их от гибели. Этот текст – единственный случай во всех рассмотренных произведениях, когда ресторанный локус изображен без отвращения, а взгляд на мир скорее оптимистичный. Шанхай в начале рассказа – тоскливое, голодное и холодное место, где в сравнении с безработными героями дан-

синг-герл Аня – состоятельная особа. Но эта девушка, любящая рассказчика и напоминающая ему о единстве русских эмигрантов, превращает шанхайское пространство в подобие дома, который в глубине души не хочется покидать. Хорошо знакомый русской прозе мотив бегства в Америку нарочно выглядит у героев рассказа достаточно инфантильно и литературно. Типичные мотивы, связанные с ресторанным локусом, здесь или отсутствуют, или переосмысляются, авторская картина мира оказывается сильнее, и в шанхайской жизни видится не безысходность, а шанс.

Возможны и другие инверсии. В рассказе А. Ненцинского «Человек во фраке» (1937) именно отказ от посещения ресторана – поворотный момент в судьбе главного героя. Ковров, бывший моряк, ныне разорившийся шанхайский брокер, стоит перед выбором между тюрьмой и самоубийством. Блестящий праздник в дорогом ресторане, куда он должен ехать, грозит ему гибелью и позором: здесь ему придется заявить о своем банкротстве, он не способен оплатить им же организованное торжество. Ресторан воплощает погубивший героя образ жизни, навязанный ему тщеславной меркантильной любовницей. В рассказе отчетливо видна оппозиция того мира, к которому принадлежит Ковров (мир морской романтики, искренних чувств и старых представлений о чести), и «торгашеского» Шанхая, равнодушного ко всему, кроме денег. Последний в картине мира Ненцинского однозначно негативен, попытки встроиться в него для русского героя – игра на чужом поле, обреченная на провал. В итоге Ковров выбирает путь ухода и возвращается к жизни моряка, что позволяет ему спасти свою жизнь и свободу.

Необходимо отметить роль ресторанного локуса в текстах таких жанров, как детектив и авантюрный роман. В 1930–1940-е гг. уже появляются русскоязычные шанхайские произведения, взявшие на вооружение принципы массовой, бульварной литературы. Авторы шли по пути зарубежных романов, в которых рестораны изображались в частности как места, где скрывались темные стороны жизни общества, где плелись интриги и заговоры, проходили встречи преступников, деловые переговоры и «роковые» повороты событий⁴. Описание кабаре и ресторана входит в состав этой

⁴ Вот лишь несколько примеров зарубежной детективной прозы 1920–1940-х, где ресторан становится местом криминальных стычек и интриг: Д. Хэммет «Женщина с серебряными глазами» (1924), «Большой налет» (1927), «Кровавая жатва» (1929), Р. Чендлер «Выстрел в “Сирано”» (1936), «Засада на Ноон-стрит» (1936), А. Уолферт «Банда Тэккера» (1943).

прозы в виде одного из клише, характерных для пространства большого города.

В романе Н. Иваницкого «Земля Тиан» (1936) рассказывается о приключениях русских эмигрантов из Шанхая в глубинах Китая. Параллельно с главными героями, едущими на поиски месторождений платины, в турне по провинции отправляется группа танцовщиц с переводчиком по имени Ван. Похождения Вана начинаются именно в кабаре, как и поворот в судьбе танцовщицы Елены. В убогом кабаре китаец подслушивает деловой разговор двух состоятельных людей и ввязывается в их аферу. Второй деловой разговор в более respectable кабаре вводит в действие главную героиню. Воспроизведение клише, связанных с пошлым миром ресторана и несчастной судьбой эксплуатируемой русской эмигрантки, формирует начало сюжетной линии Елены. Ее попытка покинуть кабацкий мирок составляет завязку авантюрного сюжета.

Я. Лович в детективном романе «Дама со стилетом» (1940) осмысляет те клише, что уже сложились в связи с Шанхаем. Очарование этого города, его насыщенная жизнь, полная борьбы, риска, страстей и крайностей, – тема первого же диалога протагониста Горина и антагониста Лямина. Лямин убит в самом начале, а его друг Горин самостоятельно расследует дело и выясняет, что Лямин, превозносивший городскую стихию, определенно был ее худшим воплощением, его цинизм, авантюризм и стремление к максимальной полноте жизни на проверку оказались обычной подлостью. Горин идет в хорошо знакомое Лямину кабаре «Рамона», чтобы поговорить с двумя женщинами, которым тот разрушил жизнь, – опустившейся на дно Ирине и загадочной Леди Ю. Такой сюжетный ход типичен для детективного жанра, в котором бар или кабаре – одно из первых мест, куда сыщик отправляется за информацией. Открывшиеся Горину истории в целом укладываются в традицию, заданную еще авантюрным романом Э. Сю «Парижские тайны» (1943): inferнальный злодей, ради наслаждения ломающий чужие жизни, мотивы *тайна рождения* и *соблазненная и покинутая*, мотив мести. Трагическая блондинка Ирина, когда-то чистая девушка, обольщенная Ляминым на пари, ходит в кабаре топить горе в вине и зарабатывать наемной танцовщицей. Роковая брюнетка Леди Ю оказывается бывшей женой Лямина и его убийцей. Она не может простить Лямину, что он когда-то отнял и спрятал их сына (которым впоследствии оказывается сам Горин). В кабаре естественно соединяются линии персонажей, здесь они могут встретиться и взаимодействовать, что делает возможными мелодраматические сцены. Самый унижительный момент в ис-

тории Ирины, ее последняя встреча с Ляминым, происходит в «Рамоне», здесь же их видит Леди Ю, что впоследствии приводит ее к выяснению отношений со злодеем и его убийству. В итоге обеих героинь удается спасти и увести из мира кабаре, гуманизм Горина берет верх над идеями Лямина, а идея Шанхая как жестокого и прекрасного города для сильных людей развенчивается. Герои покидают Шанхай и начинают новую, лучшую жизнь.

Итак, в прозе о Шанхае авторы проявляют единство в изображении ресторанного локуса и за редким исключением делают его максимально отвратительным с помощью одних и тех же деталей, мотивов и связанных тем. Ресторанный локус вмещает все пороки среды и человеческой природы, поиски в нем позитивного содержания являются самообманом, как и попытки оправдания опасной стихии большого города. В этом шанхайские эмигранты оказываются созвучны с писателями СССР, видевшими в ресторане буржуазность и пошлость, гедонизм одних и страдания других.

Возможно, авторы шанхайской прозы и не сказали нового слова в изображении ресторана, но они внесли вклад в создание портрета Шанхая. Ресторан оказывается местом, из которого хорошо виден целый город. Весь Шанхай – это стремление испытать как можно более сильные ощущения. Разгульный отдых – обратная сторона борьбы за выживание в жестокой, опасной среде, полной контрастов и соблазнов, требующей от человека сверхнапряжения и повышенной витальности. И это воспринимается писателями-эмигрантами негативно. Шанхай превращается в Восточный Вавилон, пирующий во время чумы, уничтожающий в людях человеческое, его культура видится агрессивной и опасной, а сохранение идентичности – в дистанцировании и бегстве.

Список литературы

Андерсен Л. Н. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. 472 с.

Архангельская Р. И. Русское кабаре как феномен культуры: исторический очерк // Культура и искусство. 2018. № 10. С. 16–22. DOI 10.7256/2454-0625.2018.10.27682

Брандт Г. А., Ковалева А. Ю. Богема Серебряного века: коды и смыслы // Ярослав. пед. вестник. 2017. № 2. С. 323–328.

Калиберова Т. Н. Ларисса Андерсен: миф и судьба // Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. С. 8–39.

Кихней Л. Г., Гавриков В. А. «Кабацкий локус» в русской поэзии XX века: статья первая (символизм и акмеизм) // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 228–246.

Кихней Л. Г., Гавриков В. А. «Кабацкий локус» в русской поэзии XX века: статья вторая // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 204–220.

Кихней Л. Г., Темиришина О. Р. «Все мы бражники здесь...» Ресторанный текст в поэзии Серебряного века // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 55. С. 212–227. DOI 10.17223/19986645/55/14

Магомедова Д. М. Развлечение или inferнальный локус? Демонизация развлечений в литературе символизма: театр, бал, ресторан, казино // Русская развлекательная культура Серебряного века, 1908–1918. М.: ИД ВШЭ, 2017. С. 31–44.

Павлов С. Г., Фомичева Е. Д. Inferнальные локусы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 209–217.

Полторацкий И. С. Шанхайский текст в романе Сергея Алымова «Нанкин-род» // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 175–185. DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-175-185

Пономарев Е. Р. Столичный ресторан как феномен русской жизни fin de siècle (от Тургенева, Достоевского и Толстого к Куприну и Бунину) // НЛО. 2018. № 1 (149). С. 132–144.

Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М.: Молодая гвардия, 2006. 376 с.

Таишыков С. А. Хронотоп трактира в художественном мире А. И. Куприна // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 39–47.

Williams M. The Modern Cafe in Literature // Studies in the English Language & Literature. 2018. No. 83. P. 17–50.

Список источников

Алымов С. Я. Нанкин-род / Подгот. текста М. Фоменко. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. 162 с.

Иваницкий Н. Н. (Барон фон Грюнвальдус). Земля Тиан. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. 206 с.

- Ильина Н. И. Дороги и судьбы. М.: Сов. писатель, 1985. 560 с.
- Ильина Н. И. Иными глазами. Очерки шанхайской жизни. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2013. 124 с.
- Кочуров Г. Б. Иви. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. 198 с.
- Лович Я. Л. Дама со стилетом. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. 115 с.
- Магарам Э. Е. Желтый лик. Очерки одинокого странника. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. 128 с.
- Ненцинский А. Д. Человек во фраке // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4 т. / Сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. Т. 1: Проза, ч. 2. С. 203–210.
- Петров А. В. Злая шутка // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4 т. / Сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. Т. 1: Проза, ч. 2. С. 409–414.
- Рамбаев В. Ф. Счастливая неудача // Рамбаев В. Сказка морских далей. Шанхай: Парус, 1934. С. 220–235.
- Северный П. А. Слезинка // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4 т. / Сост., общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. Т. 1: Проза, ч. 3. С. 129–134.

References

- Andersen L. N. Odnа na mostu: Stikhotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma [Alone on the bridge. Poems. Memories. Letters]. Moscow, 2006, 377 p. (in Russ.)
- Arkhangelskaya R. I. Russkoe kabare kak fenomen kul'tury: istoricheskii ocherk [Russian cabaret as a cultural phenomenon: historical sketch]. *Culture and art*, 2018, no. 10, pp. 16–22. (in Russ.) DOI 10.7256/2454-0625.2018.10.27682
- Brandt G. A., Kovaleva A. Yu. Bogema Serebryanogo veka: kody i smysly [Silver Age Bohemians: Codes and Meanings]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2017, no. 2, pp. 323–328. (in Russ.)
- Kaliberova T. N. Larissa Andersen: mif i sud'ba [Larissa Andersen: myth and destiny]. In: Andersen L. N. Odnа na mostu: Stikhotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma [Alone on the bridge. Poems. Memories. Letters]. Moscow, Russkii put'; Biblioteka-fond "Russkoe zarubezh'e", 2006, pp. 8–39. (in Russ.)

Kikhney L. G., Gavrikov V. A. “Kabatskii lokus” v russkoi poezii XX veka: stat'ya pervaya (simvolizm i akmeizm) [“The tavern locus” in the Russian poetry of the 20th century. Article 1. Symbolism and Acmeism]. *The New Philological Bulletin*, 2019, no. 4 (51), pp. 228–246. (in Russ.)

Kikhney L. G., Gavrikov V. A. “Kabatskii lokus” v russkoi poezii XX veka: stat'ya вторая [“The tavern locus” in the Russian poetry of the 20th century. Article 2]. *The New Philological Bulletin*, 2020, no. 2 (53), pp. 204–220. (in Russ.)

Kikhney L. G., Temirshina O. R. “Vse my brazhniki zdes'...” Restorannyi tekst v poezii Serebryanogo veka [“Vse my brazhniki zdes'...” The restaurant text in the Silver Age poetry]. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2018, no. 55, pp. 212–227. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/55/14

Magomedova D. M. Razvlechenie ili infernal'nyi lokus? Demonizatsiya razvlechenii v literature simvolizma: teatr, bal, restoran, kazino [Entertainment or infernal locus? The demonization of entertainment in Symbolist literature: theater, ball, restaurant, casino]. In: *Russkaya razvlekatel'naya kul'tura Serebryanogo veka, 1908–1918* [Russian entertainment culture of the Silver Age, 1908–1918]. Moscow, HSE Press, 2017, pp. 31–44. (in Russ.)

Pavlov S. G., Fomicheva E. D. Infernalnye lokusy v romane M. Bulgakova “Master i Margarita” [Infernal loci in M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2021, no. 5, pp. 209–217. (in Russ.)

Poltoratsky I. S. Shankhayskii tekst v romane Sergeya Aymova “Nankin-rod” [Shanghai text in Sergei Aymov’s novel “Nanjing-Road”]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2022, no. 2, pp. 175–185. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-175-185

Ponomarev E. R. Stolichnyi restoran kak fenomen russkoi zhizni fin de siècle (ot Turgeneva, Dostoevskogo i Tolstogo k Kuprinu i Buninu) [The Capital Restaurant as a Phenomenon of Fin-de-Siècle Russian Life. From Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy to Kuprin and Bunin]. *Novoye literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2018, no. 1 (149), pp. 132–144. (in Russ.)

Staroselskaya N. D. Povsednevnyaya zhizn' “russkogo” Kitaya [Daily life of “Russian” China]. Moscow, 2006, 376 p. (in Russ.)

Tashlykov S. A. Khronotop traktira v khudozhestvennom mire A. I. Kuprina [The chronotope of the tavern in A. I. Kuprin’s short stories]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2010, no. 1, pp. 39–47. (in Russ.)

Williams M. The Modern Cafe in Literature. *Studies in the English Language & Literature*, 2018, no. 83, pp. 17–50.

List of Sources

- Alymov S. Ya. Nankin-rod [Nanjing-Road]. S. l., 2018, 162 p. (in Russ.)
- Ivanitsky N. N. (Baron fon Gryunvaldus). Zemlya Tian [The Land of Tian]. S. l., 2021, 206 p. (in Russ.)
- Ilyina N. I. Dorogi i sud'by [Roads and destinies]. Moscow, 1985, 560 p. (in Russ.)
- Ilyina N. I. Inymi glazami (Ocherki shankhaiskoi zhizni) [Through Different Eyes. Sketches of Shanghai Life]. S. l., 2013, 124 p. (in Russ.)
- Kochurov G. B. Ivi [Ivi]. S. l., 2021, 198 p. (in Russ.)
- Lovich Ya. L. Dama so stiletom [The lady with the stiletto]. S. l., 2018, 115 p. (in Russ.)
- Magaram E. E. Zheltyi lik. Ocherki odinokogo strannika [Yellow Face. Essays of a lonely wanderer]. S. l., 2019, 128 p. (in Russ.)
- Nentsinsky A. D. Chelovek vo frake [The man in the tuxedo]. In: Literatura russkogo zarubezh'ya. Vostochnaya vetv'. Khrestomatiya [Literature of the Russian Abroad. Eastern Branch: Chrestomathy]. In 4 vols. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2020, vol. 1, pt. 2, pp. 203–210. (in Russ.)
- Petrov A. V. Zlaya shutka [Cruel joke]. In: Literatura russkogo zarubezh'ya. Vostochnaya vetv'. Khrestomatiya [Literature of the Russian Abroad. Eastern Branch: Chrestomathy]. In 4 vols. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2020, vol. 1, pt. 2, pp. 409–414. (in Russ.)
- Rambaev V. F. Shchastlivaya neudacha [A fortunate failure]. In: Rambaev V. Skazka morskikh dalei [A tale of the distant sea]. Shanghai: Parus, 1934, pp. 220–235. (in Russ.)
- Severnyy P. A. Slezinka [Tear]. In: Literatura russkogo zarubezh'ya. Vostochnaya vetv'. Khrestomatiya [Literature of the Russian Abroad. Eastern Branch: Chrestomathy]. In 4 vols. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2020, vol. 1, pt. 3, pp. 129–134. (in Russ.)

Информация об авторе

Анна Александровна Богодерова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Anna A. Bogoderova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 01.06.2025;
одобрена после рецензирования 12.07.2025; принята к публикации 12.07.2025
The article was submitted on 01.06.2025;
approved after reviewing on 12.07.2025; accepted for publication on 12.07.2025*